

русский отдел

рейнхард

Гелен

**отдел
«Восток»**

тайные операции
западных спецслужб
против СССР

Райнхард Гелен
Отдел «Восток». Тайные
операции западных
спецслужб против СССР
Серия «Русский отдел»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6111071

*Отдел «Восток» : тайные операции западных спецслужб против СССР/
Рейнхард Гелен; [пер. с нем. В. Чернявского]: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-4320-0052-1*

Аннотация

Рейнхард Гелен в годы Второй мировой войны был руководителем германской разведки на Восточном фронте. После немецкой капитуляции Гелен, как специалист по СССР, был привлечен к работе американскими спецслужбами, на деньги которых он создал «Организацию Гелена», которая позже получила название Федеральной разведывательной службы Германии (BND). В своей книге Р. Гелен рассказывает о тайных операциях спецслужб Запада в СССР со времен Второй мировой войны до конца 1960-х гг. и об участии ЦРУ в действиях, направленных против нашей страны. Работу германской и

американской разведок Гелен показывает в контексте общей политики Запада по отношению к России.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Деятельность немецкой разведки в период войны с СССР	11
Начало войны. Причины стратегических неудач Германии в 1941 г.	11
«Иностранные армии Востока»	25
Адмирал Канарис. Мартин Борман – русский агент	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рейнхард Гелен

Отдел «Восток»: тайные операции западных спецслужб против СССР

Предисловие

Райнхард Гелен – легенда разведки Третьего рейха и «американский шпион номер один».

Вскоре после окончания войны на военной базе рядом с Вашингтоном приземлился самолет, доставивший особо секретного пассажира. На американскую землю ступил один из самых ценных кадров побежденного врага – легенда разведки нацистской Германии генерал-лейтенант Райнхард Гелен (1902–1979).

Когда Гелен еще служил фюреру, в декабре 1944 года в звании генерал-майора он был назначен главой германской разведки на Восточном фронте. Сбором разведывательной информации против Советского Союза Гелен занимался и раньше в составе немецкого Генштаба, в тесном контакте с Вальтером Шелленбергом.

В марте 1945 года, понимая, что эпоха Третьего рейха

близится к концу, Гелен с небольшой группой приближенных офицеров сделал микрофильмы собранных материалов и спрятал их в австрийских Альпах.

22 мая 1945 года в Баварии генерал-лейтенант вермахта Гелен сдался 7-й армии генерала Паттона и немедленно попросил организовать ему встречу с американской контрразведкой. Гелен предложил США свой аппарат, агентурную сеть и собранные материалы в обмен на свободу.

Пока Советский Союз бесплодно требовал экстрадиции Гелена и передачи его материалов, в Пентагоне стороны быстро достигли взаимопонимания. Материалы Гелена и его сеть были признаны исключительно ценными, а все его условия – приняты. По сведениям журнала *Der Spiegel* от 22 сентября 1954 года, Гелен восстановил свой разведывательный аппарат, составленный исключительно из немецких кадров, а финансировать его стала американская контрразведка. С Геленом непосредственно общался Аллен Даллес.

В результате договоренности между американцами и Геленом сотни офицеров вермахта и СС были освобождены из лагерей для пленных и перевезены в штаб Гелена в горном массиве Шпессарт в Центральной Германии – так образовался костяк организации из 350 офицеров, отобранных лично Геленом. Когда кадровый состав организации Гелена, или Геленорг, как она сокращенно называлась, достиг трех тысяч человек, штаб переехал в строго охраняемое место рядом с Мюнхеном, где Геленорг существовала под неброской

вывеской «Организация индустриального развития Южной Германии». В начале 1950-х годов Геленорг насчитывала уже четыре тысячи офицеров. Агентурная сеть Гелена охватывала огромную территорию от Кореи до Каира и от Сибири до Сантьяго де Чили. В апреле 1956 года Геленорг была официально интегрирована в структуру госорганов, став основой Федеральной разведывательной службы Западной Германии, которую возглавил, естественно, Гелен. С этого поста он ушел в отставку только в 1968 году.

* * *

К началу 1950-х о деятельности Геленорг знали в Германии. Но американская публика впервые услышала о Гелене только в 1954 году со страниц газеты The Washington Post (номер от 9 сентября), представившей его как «американского шпиона номер один»: «Имя Гелена никогда не произносилось в Конгрессе во время дебатов по ассигнованиям, при этом он расходует 6 миллионов долларов в год, выделяемых ему Министерством финансов США. Тысячи агентов разных национальностей состоят у него в штате вместе с элитой контрразведывательного корпуса старой германской армии. <...> Центральное разведывательное управление и Пентагон, похоже, доверяют этому германскому генерал-лейтенанту в отставке больше, чем любому государственному деятелю союзников».

Генерал-лейтенант гитлеровской разведки Гелен имел такой успех у руководства США, ибо Соединенные Штаты и Британия на тот момент строили новые планы в отношении Советского Союза. В мае 1945 года президент Трумэн был убежден, что следующим врагом Америки будет Советский Союз. Однако США не обладали агентурной сетью в Восточной Европе. Поэтому им был нужен Гелен со своей организацией. Геленорг в течение многих лет оставалась единственной возможностью для ЦРУ «видеть» и «слышать», что происходило в советском блоке.

Рассекреченные документы подтверждают, в частности, что уже летом-осенью 1945-го США, в рамках секретных антисоветских программ Pastime и Kibitz (1945–1956 годы), организовали на территории американской оккупационной зоны в Германии – это почти вся Западная Германия и 45 % территории Западного Берлина – сеть немецкой агентуры для работы против СССР. Та сеть включала и разведчиков-немцев «гитлеровской формации», и представителей примерно 20 национальностей из числа бывшей гитлеровской агентуры в Советском Союзе.

В СССР в 1945–1970-х годах работало минимум 10 тысяч разведчиков, которые прежде подчинялись «Третьему Рейху», а с 1945-го – американцам. Причем 60 % этой агентуры занимало в разные годы руководящие должности низшего и среднего звена на заводах, транспорте, в сфере науки и культуры, СМИ, в парторганизациях.

Для Гелена сотрудничество с Соединенными Штатами против Советского Союза, разгромившего его державу, представлялось ему наиболее эффективным способом продолжить борьбу. Когда СССР едва-едва начал восстанавливаться, Гелен посылал в Вашингтон сообщения о неминуемой атаке Советского Союза. В 1948 году он почти убедил США в том, что СССР вот-вот начнет наступление на Запад. Гелен рекомендовал ударить первыми. Позднее, в 1950-е годы, Гелен утверждал, что СССР опережает США в военном строительстве. Бывший офицер ЦРУ Виктор Марчетти рассказывал: «В ЦРУ обожали Гелена, потому что он говорил то, что мы хотели услышать. Мы постоянно использовали его материалы и передавали их другим – в Пентагон, Белый дом, прессе. Им они тоже очень нравились. Но это была фальшивка о русском страшилище, и она принесла много вреда США».

Возможно, одним из важнейших результатов деятельности Геленорг стала выработка концепций «отбрасывания» СССР и «освобождения» Восточной Европы. Концепция «отбрасывания» основывалась на стратегии подпольных операций, которые были разработаны в Третьем рейхе в Министерстве по восточным делам под руководством Альфреда Розенберга. Частью стратегии было рекрутирование национальных меньшинств СССР для подрывной деятельности – за это меньшинствам обещалась номинальная независимость в рамках «Великой Германии». В американском ва-

рианте концепция «освобождения» предполагала искоренение коммунизма в Восточной Европе и развал Советского Союза на составлявшие его республики под предлогом установления демократии в «освобожденных» странах.

Иными словами, Советский Союз подтачивался, разрушался по многим направлениям. И, скорее всего, разведсистема Гелена не могла не быть причастной к развалу СССР на рубеже 1980–1990-х годов.

Вероника Крашенинникова, Альфред Росс

Часть 1. Деятельность немецкой разведки в период войны с СССР

Начало войны. Причины стратегических неудач Германии в 1941 г.

В настоящее время мы переживаем своеобразный ренессанс в оценке высказываний Клаузевица о войне и определяющих ее факторах. Это становится тем более понятным, что развитие истории показывает: даже в эпоху термоядерного оружия возможны войны, и в будущем с этим придется считаться. Мысленно возвращаясь назад, видишь, что было бы совсем неплохо, если бы Гитлер более подробно познакомился с положениями Клаузевица и соразмерял свои действия с его учением. Как это делал Ленин, оставивший многочисленные пометки на полях книги «О войне», которую написал великий стратег.

Клаузевиц, как известно, утверждает: война – это продолжение внешней политики с применением других, насильственных средств. По-видимому, целесообразно рассмотреть его краткое положение в более широком плане. Клаузе-

виц задает вопрос: что же такое война? И отвечает: «Война – это акт насилия, чтобы заставить противника подчиниться нашей воле». И далее: «Насилие берет на вооружение все новые открытия в области искусства и науки, чтобы дать отпор другому насилию. Незаметные, порой не стоящие упоминания ограничения, которые насилие само себе устанавливает, прикрываясь международным правом и традициями, составляют его суть, несколько не ослабляя его силы. Насилие, понимаемое только как физическое действие, ибо морального государство и закон не признают, – это средство для того, чтобы достичь цели, подчинив противника своей воле. А чтобы наверняка добиться этой цели, противника следует обезоружить. Вот что, собственно, и является целью войны. Здесь цель подменяет смысл, отбрасывает его как нечто к ней не относящееся».

Исследовав далее суть, цели и причины войны, Клаузевиц приходит к следующему выводу: «Война, в которую втянуты несколько народов – прежде всего просвещенных, всегда возникает из-за какого-либо политического обстоятельства и по причине политической. Следовательно, война – это политический акт. Являясь неприкрытым выражением силы, война, вызванная политикой, становится на ее место как независимый фактор и вытесняет ее полностью, подчиняясь лишь собственным законам, словно мина, которая взрывается под воздействием заложенного в нее часового механизма, не реагируя на любое вмешательство извне. Так этот во-

прос трактовался до сих пор, поскольку недостаточная взаимосвязь между политикой и войной приводила к такой оценке. Однако такое представление абсолютно ложно. Война в действительности вовсе не такое чрезвычайное событие, которое возникает и устраняется лишь одним способом. Тут действуют несколько различных сил, развивающихся неравномерно и неоднородно. Они то усиливаются, чтобы преодолеть сопротивление, то ослабевают настолько, что не могут вызвать никакого влияния. Следовательно, мы имеем дело со своеобразным пульсированием – возникающие напряжения преодолеваются то медленно, то быстро, пока не наступит упадок сил.

Если исходить из того, что война вызывается какой-то определенной политической целью, то вполне естественно: первая причина, вызвавшая ее, так и останется первым и главным соображением для тех, кто руководит вооруженным конфликтом. Но политическая цель не может диктовать законы войне... И все же политика пронизывает весь военный конфликт и оказывает на него постоянное влияние.

Итак, мы видим, что война – не только политический акт, но и действенный политический инструмент, продолжение политической деятельности другими средствами. Что остается присущим войне, так это – своеобразный характер ее средств. И если направленность и цели политики не входят в противоречие с этими средствами, то объясняется это военным искусством в целом и деятельностью полководца в каж-

дом отдельном случае. Взаимосвязь, судя по всему, довольно тесная, но, насколько велико ее обратное воздействие на политику, — сказать трудно. Одно ясно: политические намерения являются целью, война же — средством, а средство никогда не может быть без цели».

* * *

Если следовать этой логике, то в летней военной кампании 1941 года разгром вооруженных сил был целью, достижение которой создало бы предпосылку для выполнения политических задач, то есть политических намерений и замыслов Гитлера. Цели этой мы, вне всякого сомнения, не достигли. Более того, кризисное положение на центральном и южном участках Восточного фронта было ликвидировано с большим трудом за счет колоссальных, можно сказать, невосполнимых потерь в людях и военных материалах, а также территории.

Еще генерал-полковник Бек, предшественник Гальдера на посту начальника генерального штаба, в своем меморандуме весной 1938 года обращал внимание на то, что политика Гитлера неминуемо приведет к мировой войне с участием США и что Германия в таком конфликте неизбежно окажется побежденной, так как она не располагает необходимыми средствами и экономическим потенциалом. При этом начальник генштаба исходил из положения Клаузевица о том,

чтобы направленность и цели политики не входили в противоречие с имеющимися средствами, за что и был отправлен в отставку.

Главкомандующий сухопутных войск генерал-фельдмаршал фон Браухич и начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер в ходе планирования военной кампании против России также высказывали свои опасения относительно успешного выполнения задач кампании, учитывая громадные пространства России. Они, в частности, ссылались на трудности снабжения войск. Но Гитлер был твердо убежден в том, что немцам удастся сломить сопротивление Советов в течение нескольких недель, еще до наступления зимы. Исходя из этого, он отказался рассматривать все возражения. Людских резервов, по мнению фюрера, также вполне хватало, хотя реально их было достаточно лишь для восполнения потерь молниеносной войны. Опасения генерал-полковника Гальдера, которые разделяли все три командующих группами армий, к сожалению, получили подтверждение на бескрайних просторах России.

Несмотря на чрезвычайные усилия и грандиозные первоначальные успехи, вермахту не удалось в течение первых пяти-шести недель нанести решающее поражение Красной Армии и разгромить ее, чтобы она была не в состоянии, даже бросая в бой свежие дивизии, оказывать дальнейшее сопротивление. Ведь когда в Москве стало ясно, что японцы на Дальнем Востоке не начнут боевых действий против России,

на решающих участках Западного фронта у Советов появились сибирские дивизии.

Предусмотренное вначале немецким генеральным штабом направление главного удара на важнейший транспортный узел и политический центр – Москву, что, кстати говоря, было военной, а не политической целью, перенесли по самопроизвольному решению Гитлера на группы армий «Юг» и «Север». В результате вмешательства фюрера, повернувшего на юг часть дивизий, входивших в состав основной наступательной группировки войск, нацеленной на Москву, мы окружили противника под Киевом, захватив почти два миллиона пленных. Но этот успех не оказал решающего влияния на достижение главной цели всей военной кампании. И хотя передовым частям группы армий «Центр» и удалось достичь пригородов Москвы, нам не хватило ни стратегических, ни тактических резервов для того, чтобы выиграть решающее сражение.

* * *

Гитлер точно сформулировал политическую цель, которую преследовал. Он намеревался раз и навсегда покончить с большевистской опасностью и завоевать, как он подчеркнул в своей книге «Майн кампф», чрезвычайно необходимое для немецкого народа «жизненное пространство». В своих пропагандистских выступлениях фюрер особо выделял пер-

вый аргумент. Немецкая пропаганда с его подачи в один голос твердила, что наша главная военная цель – освобождение России от коммунизма. Эта мнимая цель нашла понимание, в первую очередь, у фронтовиков, которым приходилось каждодневно испытывать на себе мощь советского военного потенциала.

Немецкое военное руководство – я уже упоминал об этом – с самого начала относилось весьма скептически к замыслам полностью разрушить и уничтожить Советский Союз как государство имеющимися в наличии средствами, хотя и было уверено в превосходстве своих войск над Красной Армией. То, что этих средств не хватало, было очевидным. В своей предыдущей политике Гитлер всегда принимал во внимание мнение генерального штаба, основанное на тщательной оценке обстановки (ввод войск в Рейнскую область, аншлюс Австрии, присоединение Судетской области, встреча руководителей четырех держав в Мюнхене, вступление в Чехословакию, пассивность Лондона и Парижа в период польской кампании). Но он запрещал, порою в резкой, даже оскорбительной форме политически мотивированные возражения генералов. Никогда в немецкой истории примат политики, даже точнее – политического руководства – не довлел в такой степени над военными, как в третьем рейхе. Военное руководство уступило Гитлеру в 1941 году – да, впрочем, как оно могло поступить иначе. Однако дальнейший ход событий подтвердил правоту военных.

К политической цели военной кампании в России, сформулированной недостаточно четко, стали относиться с все меньшим доверием по мере того, как обнаруживалось, что военной цели – полного разгрома советских вооруженных сил – Германия достичь не сможет. Осенняя распутица и зимние холода поставили наши войска (наступавшие непрерывно) в исключительно тяжелое положение. Колоссальные потери в людях и технике далеко превысили допустимые размеры.

Поэтому в различных звеньях главного командования сухопутных войск и других органах высшего управления генералы и офицеры стали задаваться вопросом: что же необходимо сделать, чтобы военная кампания против Советского Союза получила хотя бы самые малые шансы на успех и закончилась достойно? В ходе размышлений рассматривалась, в частности, возможность точно сформулировать политическую цель, которая открыла бы для русского народа позитивные перспективы в будущем и побудила бы его начать активную борьбу против Сталина и его системы.

Самое позднее с весны 1942 года можно было все отчетливее видеть, что военные стали более активно выступать за то, чтобы изменить представление о войне как исключительно акте насилия. Они предлагали максимально политизировать ее цели, дабы представить народам России возможность перейти на нашу сторону. Политическое же руководство (Гитлер) резко выступало против такой позиции, хотя со време-

нем даже Альфред Розенберг, возглавлявший министерство по делам оккупированных восточных территорий, изменил свою позицию и стал поддерживать военное командование. Однако Гитлер оставался непреклонен: никаких политических решений. Будучи не в состоянии правильно оценить имевшиеся в его распоряжении средства, в том числе и военные, он делал ставку исключительно насилию и тем самым обрек немецкий народ на гибель. В то время в ходу была перифразированная пропагандистская формулировка: «Фюрер приказывает, мы следуем указаниям» – «Фюрер приказывает, мы отвечаем за последствия».

* * *

До сих пор недостаточно ясно говорится о том, что именно солдат – отчасти неосознанно, а в высших штабах, так вполне осознанно – понял, что в ведущейся Гитлером войне еще с Польши политика полностью подчинена военному решению всех вопросов. По мнению некоторых офицеров, давно пора было, согласовав политические и военные акции, добиться не только облегчения положения войск, но и придать военной кампании против Советского Союза решающий политический импульс. Только таким образом можно было благополучно закончить войну и прийти к сотрудничеству с освобожденной от коммунизма и дружественной по отношению к Германии Россией.

Такая возможность реально имелаась, так как население России перед 1939 годом сильно пострадало от сталинского террора. Вспомните эпоху раскулачивания и затянувшегося экономического хаоса, чистки в Красной Армии, связанные с аферой в отношении Тухачевского, избиение партийных кадров, угнетение национальных меньшинств – и это далеко не все. А возьмите религиозные преследования, оставившие у народа России бесконечную горечь, с чем мы не раз сталкивались. Не случайно наших солдат повсюду – в северных и южных районах, на Украине и в Белоруссии, да и в других местах – население встречало как освободителей.

Части Красной Армии – иногда целые полки и даже дивизии – бросали оружие. Число перебежчиков в первые месяцы войны, не считая миллионов военнопленных, превысило всякие ожидания.

В трех прибалтийских республиках – Литве, Латвии и Эстонии, которые были присоединены к Советскому Союзу только в 1940 году, – была еще свежа память о национальной независимости. Поэтому литовцы, латыши и эстонцы сразу же предложили немецким освободителям свою помощь в надежде, что будет восстановлена независимость их государств.

Украинцы, кавказцы, тюркские народы ожидали, что, наряду с освобождением от сталинского ига, сбудутся их национальные чаяния, пусть даже и не в том объеме, в каком предполагали некоторые из бывших государственных деяте-

лей, находившихся в эмиграции.

Восстановление элементарных прав и человеческого достоинства, свободы, законности и частной собственности после двадцати лет полного бесправия и террора – все это способствовало бы объединению людей, не служивших системе. Они были готовы поддержать немцев, и нам оставалось лишь использовать эту готовность.

Если бы мы сразу обратились к народам России с честным и откровенным предложением поддержать нас, то наверняка они объявили бы сталинскому режиму освободительную войну, которая привела бы к скорому и положительному для нас окончанию русской кампании.

Но так не получилось. Тогда наши войска, руководствуясь естественным чувством самосохранения, стали на фронте самостоятельно принимать необходимые меры – без разрешения высокого командования, поскольку восстановление людских потерь все больше запаздывало, а для освоения огромных пространств России требовалось все больше солдат: в немецкие подразделения для выполнения вспомогательных функций стали привлекаться добровольцы – русские, украинцы и представители других российских народов. Точное число волонтеров установить невозможно, так как командиры подразделений во многих случаях не сообщали об этом вышестоящим начальникам. Летом 1942 года таких добровольцев было от 700 тысяч до 1 миллиона. Некоторые из них участвовали в боях в составе немецких подразделе-

ний против Красной Армии.

На оккупированных территориях местные жители проявляли инициативу, которая могла быть использована в политических целях. Например, в городе Смоленске, находившемся за нашей линией фронта, из числа местных жителей был образован комитет, который заявил о своей готовности создать национальное русское правительство и освободительную армию численностью до одного миллиона человек. Учитывая, что обстановка на фронте требовала четкой политической ориентации, генерал-фельдмаршал фон Бок поддержал смоленский комитет. Однако Гитлер отклонил предложения смолян. Фюрер отрицательно отнесся и к аналогичным инициативам литовцев, латышей и эстонцев.

Группа армий «Центр» выступила с предложением восполнить потери личного состава за счет создания до апреля 1942 года вспомогательных русских подразделений общей численностью до 200 тысяч человек. Командующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич оценил высоко эту инициативу: она могла сыграть решающую роль в войне. Но и из этого ничего не получилось: Браухич и Бок в декабре 1941 года были сняты со своих должностей.

* * *

Зимой 1941/42 года я не один раз обменивался мнениями с начальником генерального штаба и другими руководящи-

ми лицами. В итоге мы пришли к заключению: нужно четко сформулировать политические цели войны и в соответствии с ними изменить оккупационную политику в отношении России. И сделать это как можно быстрее.

Ответственные лица в генеральном штабе, сфера деятельности которых затрагивалась этими соображениями, ожидали, что Гитлер под влиянием изменений обстановки в ходе военной кампании наконец-то изменит свои взгляды и четко сформулирует политические цели войны, которые неминуемо воздействуют на осуществлявшуюся до тех пор оккупационную политику. С одобрения начальника генерального штаба была проведена необходимая подготовительная работа, чтобы быстро ввести такие изменения. Лица, которые занимались этими проблемами, помимо начальника генерального штаба: начальник оперативного управления, начальник организационного отдела, начальник отдела «ИАВ» и генерал-квартирмейстер.

Мы выступили с инициативой взять на учет все вспомогательные и добровольческие подразделения из местного населения и решить вопрос об их продовольственном снабжении, денежном содержании и месте в составе немецких войск. Была подготовлена директива, на основании которой все дивизии Восточного фронта получали право вводить в состав каждой дивизии до 3—4 тысяч человек из числа местных жителей и ставить их на полное довольствие. Мероприятия подобного рода, как упоминалось выше, уже проводи-

лись на практике фронтовыми частями.

Такие меры ускорила оценка состояния войск, в которой говорилось: хотя потери личного состава и не могут быть полностью компенсированы ни в количественном, ни в качественном отношении, ударная сила немецких дивизий на Восточном фронте все же поддерживается на достаточном уровне. Дальнейшая борьба с Советами может быть успешно продолжена при соответствующем изменении политической и военной концепции. Гитлер, однако, и на пороге нового 1942 года так и не решился изменить свои политические цели в духе сказанного выше.

«Иностранные армии Востока»

1 апреля 1942 года я был назначен начальником 12-го отдела генерального штаба – отдела «Иностранные армии Востока», то есть того подразделения, которое занималось изучением положения дел нашего главного противника – Советского Союза. Назначение было произведено в связи с тем, что начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер счел целесообразным заменить руководителя отдела еще до начала запланированного наступления немецких войск в направлении Волги и Кавказа. Выбор его пал на меня, по-видимому, потому, что я с конца 1939 года до начала октября 1940 года был его порученцем, а позднее, вплоть до моего назначения на новую должность, служил в оперативном управлении и принимал участие в разработке предстоящей операции. Мне были известны во всех подробностях задачи и состав привлекаемых сил и средств, а также промежуточные и конечная цели планирования.

Обстановка на начало апреля 1942 года характеризовалась тем, что нам удалось на всех участках групп армий «Центр» и «Юг» стабилизировать фронт, прорванный в зимние месяцы. Контрнаступление русских привело на отдельных направлениях к оставлению нами значительных территорий. Имелись существенные потери в снаряжении и боевой технике. Но самым тяжелым было, пожалуй, то, что

немецкий солдат после двух лет побед впервые столкнулся если и не с поражением, то с мощными контрударами противника. А это повлекло за собой опасные психологические последствия, хотя вина за случившееся падала в первую очередь на погодные условия – непролазную грязь и морозы до минус 56 градусов, а также на нехватку, особенно вначале, зимнего обмундирования и сильно поредевший боевой состав частей и подразделений.

Не только по соображениям психологического порядка было необходимо как можно быстрее восстановить нашу инициативу, проведя новое мощное наступление. Предсказанные отделом «Иностранные армии Востока» советские контрудары в середине ноября 1941 года показали, что Сталин в случае необходимости пускал в дело дивизии с Дальнего Востока, чтобы выровнять положение на своем западном фронте. Зимние сражения показали также, что русские способны к импровизации. Каждая передышка давала возможность Советам восстанавливать подорванные летом 1941 года силы и оттягивать до бесконечности решающее сражение. Вместе с тем у нас самих возрастала опасность ведения войны на два фронта. Ибо самое позднее начиная с 1943 года необходимо было считаться с возможностью начала наступательных операций в Европе крупных американских сил. Таким образом, уже в начале 1942 года Гитлер оказался в таком же положении, как и верховное главнокомандование немецкой армии во время Первой мировой войны. Точнее говоря,

обстановка напоминала февраль 1917 года.

Во время моей службы в оперативном управлении мы получили задание исследовать, где и какими силами можно было провести новое крупное наступление. При этом выяснилось: вермахт и военная промышленность, несмотря на все усилия, не в состоянии восполнить потери в живой силе и технике, чтобы обеспечить переход в наступление на всем протяжении гигантского фронта, протянувшегося от Крыма до Ленинграда, даже если бы мы пустили в дело дивизии, сформированные для действий против Великобритании. Поэтому пришлось ограничиться наступательными операциями более узкого масштаба: отражение контрударов противника прежде всего в Крыму и под Харьковом, овладение Ленинградом, чтобы вывести из строя Балтийский флот и установить, наконец, прямую и прочную связь с финнами.

Все имевшиеся в нашем распоряжении силы и средства должны были использоваться для наступательных операций лишь там, где русские будут вынуждены перейти к решительным действиям. По мнению генерал-полковника Гальдера, таким направлением могла быть только Москва. Овладение советской столицей, наряду с воздействием психологического характера, повлекло бы парализацию не только политического центра страны, но и главного транспортного узла коммунистической империи, что привело бы если и не к потере возможности ведения Советами дальнейших военных действий, то значительно усложнило бы их. Однако по этому

вопросу между Гитлером и Гальдером возникли серьезные разногласия. Фюрер настаивал на ударе в направлении Сталинграда, чтобы лишить русских возможности пользоваться Волгой – главным водным путем – и захватить Кавказ. Он аргументировал свои доводы тем, что оккупация нефтеносных районов будет иметь решающее значение для дальнейшего хода войны. В противном случае снабжение Германии горючим и смазочными материалами через шесть месяцев будет полностью парализовано. Однако это утверждение оказалось неверным, поскольку и без кавказской нефти мы смогли вести боевые действия еще в течение двух с половиной лет.

* * *

В отношениях между Гитлером и Гальдером не обошлось без напряженности и в 1940 году во время военных действий на Западе. Они еще более ухудшились в 1941 году, когда Гитлер настоял на том, чтобы основной удар перенести в августе на юг – в направлении Киева. Правда, это решение привело к крупнейшему во всемирной истории сражению на окружение войск противника в битве за Киев. Тогда к нам в плен попали почти два миллиона советских военнослужащих. Но эти «канны» оказались лишь пирровой победой, следствием которой, как и опасался Гальдер, явилась неудача под Москвой, что привело к затягиванию военной кампании со всеми вытекающими отсюда нежелательными последствиями.

Разногласия по поводу ведения боевых действий 1942 года обострили до крайности отношения между Гитлером и Гальдером. Дело в конце концов окончилось разрывом: 24 сентября 1942 года начальник Генерального штаба был уволен в отставку по собственной просьбе. Вот что говорил сам Гальдер по этому поводу: «Я буду возражать Гитлеру до тех пор, пока он меня не отпустит, ибо никакими деловыми аргументами его уже не убедить».

Личные прошения высших руководителей вермахта об отставке Гитлер всегда отклонял, но просьбу Гальдера удовлетворил.

Главную роль в том, что Гитлер принял решение развернуть летом 1942 года наступление на юге России, сыграли экономические доводы, но никак не военные и политические соображения, требовавшие отказа от проведения эксцентричных операций в глубине огромной советской территории. Отрицательным фактором было и то обстоятельство, что на южном направлении, за Доном, имелась явно недостаточная сеть шоссейных дорог и лишь один железнодорожный путь, что никак не обеспечивало нормальное снабжение немецких войск. Но Гитлер проигнорировал и эту объективную реальность.

Понятно, что в таких условиях было очень важно заставить противника еще в начальной стадии операции ввязаться в бой и разбить его наголову. А отсюда вытекала необходимость, чтобы вверенный мне отдел как можно раньше

представил руководству полные и достоверные данные о положении войск противника и его текущих и долгосрочных планах.

Таким образом, в силу своих новых обязанностей мне пришлось возглавить службу «1-Ц» (оперативной разведки) всего Восточного фронта. К этому с первых же дней моего вступления в должность добавилась еще одна задача: оценивать потенциал нового мощного противника – Соединенных Штатов Америки и их сухопутных сил.

В мирное время наш отдел должен был, взаимодействуя с другими службами генштаба, составлять по возможности максимально полную картину военного и военно-промышленного потенциала, а также состояния вооруженных сил восточноевропейских государств. Вместе с тем руководство должно было располагать информацией и о том, с какими географическими, природными и метеорологическими условиями ему придется считаться. Эта информация передавалась и в войска. Особое значение придавалось получению данных о боевом духе войск предполагаемого противника, которые закладывались в основу, как мы сказали бы сегодня, психополитического анализа. Сведения, которыми мы располагали о советских солдатах еще в мирное время, были полностью подтверждены в первый же год восточной кампании. Предсказанные твердость и выносливость русского солдата, его нетребовательность и невзыскательность в отношении материальных условий позволяли Красной Армии

вести боевые действия даже в случаях, когда сражение было уже проиграно. Подтвердилось и предположение, что кадровый состав командного звена хорошо подготовлен в идеологическом плане, чего нельзя сказать о большинстве командиров, призванных из резерва. В случае серьезных поражений, которые потерпят Советы, мы не без оснований прогнозировали рост числа перебежчиков.

Ныне совершенно очевидно: так называемый приказ о комиссарах, против введения которого безуспешно выступали главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич, Гальдер и различные управления и службы генерального штаба, в особенности отдел «Иностранные армии Востока», объективно препятствовал массовой сдаче русских в плен: они боялись попасть к немцам, считая, что их сразу же уничтожат. На самом деле в очень многих случаях этот приказ на фронте не выполнялся. Здравый смысл наших офицеров и солдат протестовал против такого распоряжения, нарушавшего положения Гаагской конференции о военнопленных и вступавшего в противоречие с их совестью. Тысячи комиссаров и политработников попадали в плен, и многие из них становились убежденными сторонниками власовского движения.

Приказ о комиссарах имел роковые последствия в психологическом плане для самих немецких вооруженных сил. Его неисполнение влекло за собой строгие наказания солдат и младших офицеров. Чтобы избежать штрафных санкций,

полевые командиры искажали свои донесения, чтобы скрыть истинное положение с военнопленными на своих участках фронта. Высшее командование таким образом вводилось в заблуждение, а воинская мораль падала.

* * *

Когда я вступил в должность, Гальдер, благословляя меня, подчеркнул, что ожидает от отдела не только глубокого анализа ежедневного положения на фронте, но, главным образом, оценки оперативных намерений противника и его возможностей в перспективе.

Вскоре у меня сложилось впечатление, что работа отдела может быть значительно улучшена в свете требований начальника генерального штаба, если будут устранены некоторые организационные недостатки и трудности психологического характера.

Основное психологическое упущение, на мой взгляд, заключалось в традиционной недооценке службы «1-Ц» и ее деятельности, в особенности разведывательной. Так, по данным покойного полковника Николаи, возглавлявшего во время Первой мировой войны немецкую разведку, она перед самой войной имела в своем распоряжении лишь 300 тысяч марок в год. И генерал-фельдмаршал граф фон Шлифен в одном из своих остроумных очерков, посвященном характеристике современного полководца, саркастично высказался

о таком пренебрежении службой «1-Ц», от которого в свое время не был свободен и я. Что же касается структуры и штатов этой службы, то здесь еще в мирное время ощущался недостаток кадровых офицеров. Так, по штатному расписанию генерального штаба от 3 января 1939 года в 12-м отделе предусматривалось всего семь офицеров.

В штабе армейского корпуса имелся лишь один офицер этой службы. В большинстве своем должность занимали молодые капитаны – кандидаты в офицеры генерального штаба, проходившие там практику. К тому же они не только представляли службу «1-Ц», но и являлись одновременно уполномоченными контрразведки.

В дивизии по штатам мирного времени должность офицера по сбору и обработке данных о противнике вообще не предусматривалась. Во время войны ее занимали по большей части офицеры запаса, которые зачастую добивались изумительных результатов. Конечно же такое пренебрежительное отношение к деятельности по линии «1-Ц» было не оправдано, поскольку здесь от офицера, особенно в высших штабах, требовалось широкое и нестандартное мышление, если он хотел соответствовать своему назначению. Я бы сказал, он должен был думать одновременно в двух направлениях. Мало было знать точное наименование частей противника, их численность и вооружение. Нужно было сказать достаточно определенно и конкретно о намерениях врага. А это предполагало тонкое знание образа мыслей и принципов

штабного персонала противной стороны. Объясняя возможные действия своих врагов, офицер службы «1-Ц» должен был уметь отстаивать принципы противника и доказывать своему начальству, что тот не может поступить иначе. А такое, как правило, с большим трудом удавалось молодым и младшим по званию.

Поэтому вскоре после моего вступления в должность я обратился к начальнику генерального штаба с предложением о повышении значимости службы «1-Ц», с тем чтобы ее должности были приравнены к должностям службы «1-А» (оперативные отделы и отделения соответствующих штабов). Моя просьба была удовлетворена. Правда, офицер службы «1-А» все же оставался «первым среди равных», как говорили римляне, но это была скорее своеобразная дань вежливости. А по сути дела, реорганизация повысила значение службы «1-Ц»: ее данным в штабах стали уделять большее внимание и серьезно прислушиваться к мнению ее офицеров.

Вторым большим упущением, по моему мнению, было недостаточное сотрудничество с другими службами и управлениями, располагавшими значительными возможностями по сбору интересовавших нас данных, в особенности – с управлением военной разведки и контрразведки – абвером. Я довольно часто получал и оттуда информацию, содержание которой хотя и представляло определенный интерес, но все же оставляло желать много лучшего. Недостаток этот проистекал не от небрежности или незаинтересованности.

Дело в том, что инициатива на фронте вплоть до последнего времени оставалась в руках немцев: военные операции приносили быстрые и крупные успехи. Поэтому вполне естественно, что внимание службы «1-Ц» и оперативного управления верховного главнокомандования было сконцентрировано главным образом на текущих делах, охватывая лишь ближайшее будущее. Управление разведки и контрразведки, в связи с нехваткой времени для передачи нам полученных им сведений, играло при этом незначительную роль. В тот период мы опирались главным образом на данные войсковой разведки. Их тогда вполне хватало, хотя меня ныне иногда удивляет, как это при небольшом объеме информации мы добивались крупных успехов.

Но чудесное то время закончилось, когда потерпела неудачу летняя кампания 1941 года. Теперь противник, пусть даже на короткий срок, захватил инициативу. В связи с этим возросла необходимость проведения перспективного анализа возможностей и оперативных замыслов русских, чтобы избежать новых неприятных неожиданностей.

При таком положении вещей я очень скоро связался с адмиралом Канарисом, которого до тех пор знал лишь понаслышке. Его управление военной разведки и контрразведки было подчинено непосредственному верховному главнокомандованию вермахта. Я поставил перед собой цель сделать наше сотрудничество более тесным и интенсивным. Очень скоро между нами установились прочные личные контакты.

Адмирал Канарис. Мартин Борман – русский агент

Личность адмирала даже по прошествии многих лет после его трагической смерти – он был казнен 9 апреля 1945 года после весьма сомнительного расследования, произведенного эсэсовским судом в концлагере Флоссенбюрг, – до сих пор окутана покровом неопределенности и двойственности. Он разделил участь многих выдающихся представителей разведывательной службы как внутри страны, так и за рубежом, в числе которых был и полковник Николаи. В некоторых публикациях авторы, которые наверняка не знали Канариса лично и тем более не были с ним в близких отношениях, критикуют его поступки и действия. Они обвиняют адмирала в нерешительности, недостаточной выдержке, но чаще всего – в непредсказуемости. На личность начальника абвера бросают тень сделанные после войны сомнительные разоблачения его в том, что он, мол, пытался изменить отечеству.

По моему мнению, все эти весьма неопределенные и мало аргументированные версии вносят путаницу в оценку действий Канариса и не только не приближают нас к истине, но еще больше удаляют от нее. Против сочинителей таких историй говорит, прежде всего, то глубокое уважение и даже восхищение, которое бывшие сотрудники абвера питают до сих пор к адмиралу. В словах этих людей звучит не только

благодарность за сердечную заботу о них, но и почтение к нему как к незаурядной личности.

В Канарисе, наряду с его религиозностью и верностью офицерской чести, пожалуй, сильнее всего поражала фундаментальная образованность — явление довольно редкое среди высших офицеров. В нем было многое от идеалов и воззрений первой половины девятнадцатого века, которые способствовали выдающимся офицерам прошлого достичь высоких научных вершин, далеко выходящих за узкие рамки военного дела. Наряду с широкой и глубокой образованностью, Канарис, в отличие от многих флотских и армейских офицеров, не видевших абсолютно ничего за пределами Северного и Балтийского моря и границами Германии, обладал способностью разбираться во взаимосвязях мирового масштаба. С этим было связано и его тонкое восприятие развития политических событий, которые он довольно часто пересказывал с поразительной точностью. Неудивительно, что Канарис уже в начале военных действий против России серьезно оценивал сложившуюся обстановку, а также перспективу благополучного для Германии исхода войны. Вот почему ему особенно тяжело было видеть, что руководители немецкого государства скептически относились к его прогнозам и отводили ему роль неудавшейся современной Кассандры.

К национал-социализму Канарис относился отрицательно. Как и генерал-полковник Бек, он страдал оттого, что его

внутренний религиозный настрой входил в противоречие с принятой им военной присягой. Его душевные страдания безмерно обострились из-за сознания того, что, хотя Германия, вступившая в войну по вине Гитлера, вела борьбу не на жизнь, а на смерть, ей, несмотря на тяжелейшие жертвы, предстояло пережить полное поражение. Он не принимал всерьез оптимистические пропагандистские заверения нацистских бонз и их союзников о конечной победе рейха. Его не успокаивали и заверения западных держав, что в случае их победы вся ответственность за войну ляжет лишь на национал-социалистов.

Мне вспоминается наш долгий доверительный разговор в 1942 году, когда Канарис, затронув в ходе беседы вопрос о разглашении государственной тайны и государственной измене, пришел к выводу: можно будет даже оправдать последнюю, учтя исключительность военной ситуации и позицию тогдашнего высшего руководства. Тот, кто брал на себя такую миссию, по мнению адмирала, должен был постоянно помнить, что только полное поражение Германии могло создать условия для справедливой правовой оценки его действий. Поэтому человек, решившийся на такой шаг, рисковал не только собой, но и своими близкими...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.